

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна - доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Общественные перемены последних пятнадцати лет живо отразились на жизненных траекториях и социальных ожиданиях людей, относящихся к разным возрастным группам в России. Для идентификации этих групп используются в основном два термина: возрастная когорта [1] (синоним - возрастная группа) и поколение. Но применение этих терминов в социологических исследованиях не отличается строгостью. Оно отталкивается от традиций их использования в демографии, испытывает влияние публицистики, обыденного сознания, личной рефлексии социолога.

Посмотрим, как же соотносятся в демографии эти понятия [2]. Здесь *когорта* определяется как совокупность людей, у которых в один и тот же период произошло определенное демографическое событие. Таким событием может быть рождение, достижение совершеннолетия, вступление в брак и т.д. Интервал времени, выбираемый для выделения когорты (один год или несколько лет) зависит от целей анализа и особенностей исходного материала. Совокупность людей, родившихся в течение некоторого календарного периода, составляет когорту, которую называют *поколением*. В демографическом анализе различают *реальное поколение*, которое составляют люди, родившиеся в некоторый момент или интервал времени - они ровесники, а также совокупность современников разного возраста, образующих *гипотетическое поколение*.

Второе значение поколения в демографии используется для названия супружеской пары и совокупности супружеских пар по степени родства: родители, дети, внуки. В этом случае понятие поколения не имеет жесткой связи с возрастом. Третье значение — обозначение "колена" в линии родства между двумя родственниками по прямой линии (мать - дочь, отец - сын).

В социологии использование терминов когорта и поколение не столь однозначно. Они применяются не только в вышеназванных смыслах, но и для обозначения возрастной группы, объединенной специфической исторической локализацией [3]. Оказывают влияние и поставленные исследовательские задачи, а также исторический контекст анализа. Возьмем, к примеру, такое понятие, как "военное поколение". В одном исследовании это может быть когорта людей, родившихся во время той или иной войны, в другом - поколение, вынесшее на своих плечах основные тяготы военного времени. Но когда говорят, например, о "поколении оттепели", то подразумеваются не те, кто родился в 60-е гг. XX в., а те, кто находился в эти годы в периоде зрелости и мог осознать масштаб и важность провозглашенных тогда перемен в общественной жизни страны. Методологические основы социологического анализа поколений заложил Карл Мангейм в работе "Проблема поколений" [4]. В отечественной социологии изучение возрастных когорт и поколений имеет определенную историю. В советский период наиболее интересные исследования были проведены Б.Ц. Урланисом, В.Н. Шубкиным, Ф.Р. Филипповым, М.Х. Титмой [5]. В современной России также появились

работы, посвященные социальному развитию возрастных групп [6]. Однако слабо исследован динамический и сравнительный аспекты социального самочувствия и поведения возрастных когорт в российском трансформационном процессе. Этому есть объективное объяснение - отсутствие финансирования эмпирических исследований в начале 1990-х г. Поэтому большинство исследователей не располагает сопоставимой эмпирической базой для анализа. Кроме того, сложность анализа социального развития и взаимодействия возрастных когорт многократно возрастает в периоды общественных трансформаций, кризисных явлений и прочих динамичных процессов в обществе. В эти периоды помимо тех изменений, которые происходят внутри возрастных когорт, можно наблюдать сложные взаимодействия между различными когортами: их конкурентную борьбу за социальные преимущества в период трансформаций, формирование и постепенное распространение на другие возрастные группы новых элементов в системе ценностей в молодых когортах.

Российский трансформационный процесс не оставил вне своего влияния ни одной возрастной группы в России. Некоторые из них стали за годы реформ акторами трансформации к рынку, смогли апробировать новые модели поведения и достигли при этом положительных результатов, реализовали свой личный потенциал и использовали общественный вектор развития. Другие группы оказались в социальном лифте, идущем вниз. Причем на одних этапах трансформации вперед вырывались одни когорты, на следующих - другие, но ни одна возрастная когорта не осталась индифферентной.

Социологическое изучение возрастных различий на разных отрезках трансформационного процесса в России позволяет составить динамичный социальный портрет возрастных когорт, анализировать их внутреннюю структуру, динамику их социального статуса, социальных ролей и стратегий экономического поведения. Рассмотреть эти проблемы на эмпирическом уровне необходимо, прежде всего, в контексте того повседневного опыта, который все возрастные группы получили в России за последние 10-15 лет. В этот период произошло резкое изменение распределения между возрастными когортами социальных ролей, что связано с динамизмом институциональных изменений в экономике, формированием новых управленческих стратегий, иной деловой культуры, основанной на рыночных принципах поведения и информационных технологиях. Свое влияние оказывает и распространенность неправовых практик в российской экономике, криминализация отношений в бизнесе, многоуровневая коррупция. Нельзя не учитывать при этом открытость России внешнему миру, стандартам потребительского поведения и стиля жизни, транслируемых из западной культуры. Изучение динамики утверждения новых поведенческих стереотипов, ценностей, переплетения у различных возрастных когорт традиционных и современных ценностей, наследуемых культурных традиций и устоев, а также новых глобальных тенденций становится необходимым элементом знания современного состояния российского общества, его потенциальных возможностей в рамках того или иного сценария общественного развития.

Проведенные в Институте философии РАН четыре волны всероссийских эмпирических исследований (1990-1994-1998*- 2002 г.) позволяют проследить динамику эволюции возрастных когорт за годы общественных трансформаций. Массив опрошенных составил соответственно по годам 973, 1062, 1100, 1050 респондентов. Выборка районированная, квотная, репрезентативная населению России по полу, возрасту, образованию, типу поселения. Исследования проводились с периодичностью в 4 года по сопоставимой программе с применением формализованного интервью, длившегося около полутора часов. Руководитель исследования член-корреспондент РАН Н.И. Лапин. Идентичная формулировка основной части вопросов позволяет проводить корректное сравнение по широкому кругу проблем.

---

* Опрос проводился в мае - июне, до дефолта.

Для анализа тенденций изменения социального положения возрастных когорт за годы трансформаций в России была применена следующая группировка по возрастам: до 19, 20-24, 25-34, 35-44, 45-54, 55-59, 60 лет и старше. Довольно дробная, как может показаться, разбивка массива диктовалась исследовательской задачей: проследить влияние общественных условий на социальное самочувствие и статус различных возрастных групп на разных этапах трансформации общества. Более укрупненная группировка, например, по поколениям отцов и детей, слишком сглаживала бы различия внутри поколений, затрудняла бы возможность анализировать их внутреннюю структуру. Поясним это на примере молодежи.

Если взять общепринятую группировку, то лица 19-35 лет относятся к поколению молодежи. Но в период реформ особенно явно проступают внутр поколенные различия. Наиболее взрослая часть молодежи прошла первичную социализацию в советский период, а вторичную в перестройку, а также в период реформ и приобрела свой опыт работы в рыночной экономике. Более молодые уже не застали советских времен, на них оказывало влияние перестроечное время и условия становления рынка в России. А самые молодые полностью сформированы в последнее десятилетие трансформации к рынку. Следствием разных условий формирования ценностных ориентаций, жизненных стратегий и практик явились существенные различия внутри поколения молодежи, фиксируемые рядом исследователей [7].

Не менее значительные изменения произошли во взаимодействиях между поколениями - в соотношении их статусов, экономического положения, перспектив развития. Пожалуй, впервые за послереволюционную историю России экономическое положение молодых возрастных когорт так стремительно изменилось по отношению к более старшим. В плановой экономике стаж, возраст, опыт, связи существенно определяли ступени повышения материального благополучия. Действовал кумулятивный эффект повышения жизненного уровня. Типичной была ситуация, когда средние и старшие поколения материально поддерживали своих детей и внуков, не имевших возможностей легально добиваться для себя более высокого дохода, который слабо зависел от интенсивности труда. Даже находясь на пенсии, старшие поколения материально помогали более молодым. В обществе доминировала ценностная система взрослых - зрелых и старших возрастных групп. Как отмечает К. Мангейм, "в условиях статичности создается установка почтительности: молодое поколение стремится приспособиться к старшему вплоть до того, что старается выглядеть старше" [8]. В период общественного застоя старшие поколения являлись тем центром, вокруг которого концентрировались экономические интересы, они несли основную трудовую нагрузку, обеспечивали стабильность ценностной системы общества.

В переходной экономике ситуация кардинально изменилась. Объективные требования рыночной экономики наиболее четко улавливаются молодыми, которые стремятся получить востребованную специальность, активно переучиваются и охотно меняют места своей работы. Рынок труда на первых этапах трансформации давал преимущество более молодым возрастным когортам.

Результаты первого исследования, которое было проведено в 1990 г., когда Россия существовала в составе СССР, официально доминировала государственная форма собственности, не признавалась частная собственность на средние и крупные предприятия, нарастал дефицит всех товаров, показали консолидацию возрастных когорт по отношению к типу экономического развития страны. Свою убежденность в необходимости экономических реформ демонстрировали все возрастные группы - от 90,4% самых молодых до 70% в возрасте 60 лет и старше. Это был период "предпрактического" мнения об особенностях той или иной системы хозяйствования. В то время почти единственной массовой формой предпринимательства были кооперативы и арендные предприятия, которые, по мнению большинства населения, были связаны с теневым производством. И, тем не менее, более 50% всех возрастных групп высказывались за рыночную экономику (см. рис. 1).

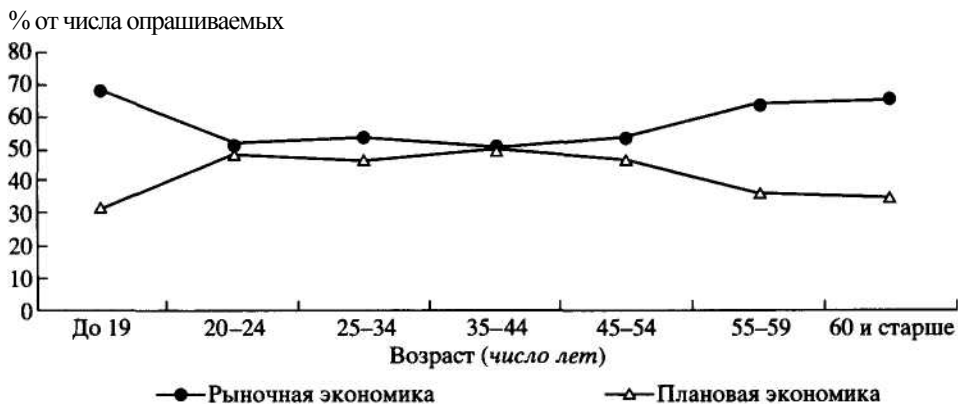

Рис. 1. Предпочитаемый тип экономики, 1990 г.

Как видим, все возрастные когорты, кроме крайних, имели близкие оценки двух типов экономик - плановой и рыночной. При превалировании выбора рыночной экономики во всех группах, число ее сторонников заметно больше в группах еще или уже не связанных с производством - до 19 лет и в пенсионном возрасте. Подтверждением такой неясности, "спутанности" экономического сознания является и соотношение тех, кто был за "плановый дефицит" (низкие цены при нехватке товаров), и тех, кто поддерживал "рыночное изобилие" (товаров много, но цены высокие). Во всех возрастных группах до 35 лет большинство высказывалось за "плановый дефицит", а те, кто был старше, в том числе пенсионеры, за "рыночное изобилие". Такое распределение ответов дает основание предполагать, что население в целом весьма смутно представляло себе, что такое рынок, какие преимущества он может дать тем, кто работает, и тем, кто находится на иждивении. Большинство населения еще не имело практики реального включения в рыночные отношения.

Одновременно основная масса населения в 1990 г. осуждала теневую деятельность, которая ассоциировалась с деятельностью новых экономических субъектов - кооперативов, арендных предприятий и т.д. 61% респондентов считали в 1990 г., что теневая экономика паразитирует на средствах труда, созданных народом, и только 23% считали, что теневая экономика восполняет тот дефицит, который не обеспечивает государственное производство. Положительно к своим знакомым в теневой экономике относились 3,6% опрошенных; 68,6% сказали, что не имеют знакомых в теневой экономике и более 60% отметили, что ни при каких условиях не будут в ней участвовать. Но в 1990 г. обращала на себя внимание группа молодежи до 35 лет, которая имела другое мнение о теневой экономике, чем большинство граждан. Так, в ней было на 10-15 процентных пунктов меньше тех, кто полагал, что теневая экономика паразитирует, и почти на 20% больше тех, кто видел достоинства теневой экономики в производстве недостающих товаров. В три раза было больше тех, кто положительно относился к своим знакомым в теневой экономике, чем в целом по массиву. Каждый пятый человек до 35 лет считал для себя возможным участвовать в теневой экономике, в том числе 6% видели себя в роли организаторов.

Особенно выделялась в 1990 г. группа лиц, имеющих неполное высшее образование, представленная в основном студентами. Почти 70% этой когорты были ориентированы на рыночную экономику; около 80 высказались за большую дифференциацию доходов в зависимости от результатов труда; почти 75% - за свободу в экономической деятельности. Для сравнения: в целом по массиву эти показатели были ниже на 10-15 процентных пунктов. Наконец, при всеобщем сдержанном отношении к теневой экономике, студенты относились к ней более благосклонно. Лишь 39% не име-

ли в ней знакомых, 14% считали для себя возможным участвовать в теневой экономике, в том числе 10% в качестве организаторов. В целом же по всему массиву таких было немногим более 1%. Уже в начале 1990-х г. молодежь активно осваивала новые, не всегда официально одобряемые практики экономического поведения, искала и находила новые способы получения дохода. Среди самых молодых - до 19 лет, уже в 1990 г. была самая большая доля тех, кто считал себя предпринимателями (7,1%), и тех, кто занимался торговлей (28,6%). Прочие возрастные когорты имели в этих занятиях ничтожно малую долю.

Что же происходило с возрастными когортами в течение прошедших 12 лет? Данные исследования 1994 г. показали, что острейший экономический кризис, падение жизненного уровня, неясные перспективы и первые разочарования населения в результатах приватизации отрицательно сказались на социальном самочувствии населения. Все возрастные группы весьма пессимистически оценивали свое будущее: в среднем только 11 % высказывали уверенность, тогда как от 77 до 92% по разным группам были не уверены в нем. В отношении ближайшего года настроение было не столь катастрофично, но во всех возрастных группах, кроме тех, кому было менее 19 лет, наблюдался значительный перевес пессимистов. На этом фоне удивителен незначительный рост численности противников экономической реформы в 1994 г. - на 3,2% в целом по массиву по сравнению с 1990 г. Характерно, что у основной части трудоспособных - от 20 до 54 лет - окрепла уверенность в большей эффективности рыночной экономики по сравнению с плановой. Более 73% предпочли ситуацию с высокими ценами при изобилии товаров тому положению, которое было при плановой экономике - дефицит товаров при низких ценах. Во всех возрастных группах, кроме самых старших, сохранилось или укрепилось положительное отношение к рыночной экономике.

Но при этом привлекательность рыночного хозяйствования большинством не связывалась с необходимостью преодолевать патерналистские отношения с государством и самостоятельно решать проблемы своей занятости и дохода. В 1994 г. 83% считали, что государство должно обеспечить всех гарантированным доходом, и 80% полагали, что оно должно дать работу всем желающим. Справедливости ради надо заметить, что требование к государству обеспечить работой несколько снизилось по сравнению с 1990 г., поскольку стали возникать предприятия негосударственных форм собственности, многие предприятия акционировались, и это нашло отражение в ответах населения. Но в целом 1994 г. демонстрирует слабую дифференциацию в отношении возрастных групп к реформам, к плановой и рыночной экономике, что являлось следствием сохраняющейся уравнительности в потреблении и хаотичности применяемых стратегий адаптации к новой экономической ситуации. В 1994 г. подавляющее большинство опрошенных работали в госсекторе или на только что акционированных предприятиях, которые ничем еще не отличались от государственных по методам организации труда и эффективности. Частные предприятия и кооперативы охватывали только около 10% опрошенных.

Новый этап реформ отражают данные исследования 1998 г. [9]. К этому времени уже оформились тенденции материального расслоения общества по возрастному признаку, да и сами когорты внутренне дифференцировались. Вступили во взрослую жизнь возрастные когорты, которые в начале 1990-х г. относились к детям и юношам. Им не были знакомы практики социалистического периода, они прошли первичную и вторичную социализацию в годы реформ и образовали две когорты - до 19 лет и 20-24 года. Те же, которым в начале 1990-х гг. было 19-35 лет, в 1998 г. распределились в две возрастные группы: 25-34 и 35-44 года, различающиеся условиями своей социализации. Последняя и более старшие группы сложились в социалистический период, с трудом приспосабливались к новой экономической реальности, у них проходила ломка сложившихся стереотипов. Разные условия социализации и стратегий адаптации к реформам влияли на дифференциацию оценок рыночной и плановой экономик (ср. рис. 1 и 2).

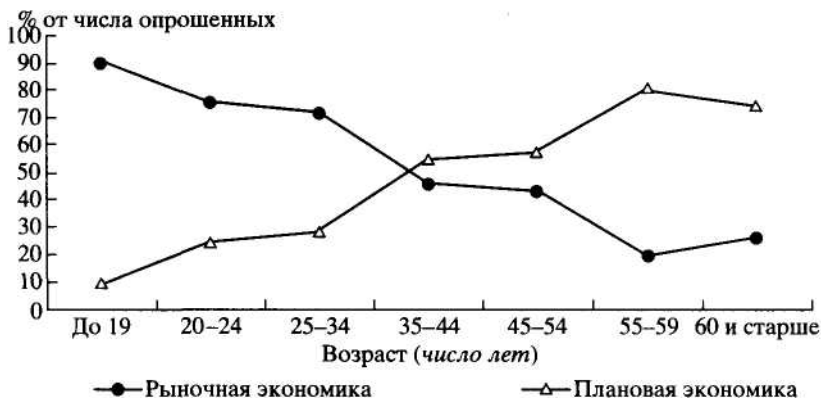

Рис. 2. Предпочитаемый тип экономики, 1998 г.

Данные рис. 2 показывают, что в выборе типа экономики близки оценки когорт 20-24 и 25-34-летних (у них число сторонников рыночной экономики превышает сторонников плановой) и оценки 35-44 и 45-54-летних (число сторонников плановой экономики превышает сторонников рыночной). Как будет показано ниже, такие оценки коррелируют с материальным статусом этих групп и их занятостью в новых секторах экономики. Молодые возрастные когорты наиболее успешно освоили новые, востребованные рынком специальности, быстрее переквалифицировались, сориентировались в трудовой жизни на новые типы предприятий.

В исследовании 1998 г. особое внимание обратила на себя группа 20-24-летних. Если все возрастные группы до 45 лет в своем составе имели значительный — более двух раз - перевес сторонников реформ над их противниками, то в возрастной группе 20-25 лет он составил 8,3 раза. При этом 25% группы представляют лица, имеющие неполное высшее образование, в основном студенты, и около 25% лиц со средним специальным образованием. Их выбор рыночной экономики - свидетельство не только готовности на включение в те отношения, которые породили реформы, но и реальное освоение их на практике. Как известно, многие студенты, особенно старших курсов, совмещают учебу и работу в новых частных компаниях.

Группы в трудоспособном возрасте 35—44 и 45-54 лет, несущие в любом обществе основную трудовую нагрузку, чувствовали в 1998 г. себя проигравшими, и это при том, что они обладали практически одинаковым символическим капиталом в виде высокого образования, что и 25-34-летние. Но ни оно, а именно молодой возраст в сочетании с образованием, а также емкость рынка труда давали преимущество в условиях становления рыночной экономики.

Ситуация вновь изменилась к 2002 г. По сравнению с 1998 г. улучшились настроение и оценки положения в стране и своего материального уровня практически всех возрастных когорт. Это связано, прежде всего, с изменением внутривнутриполитической обстановки, ставшей более предсказуемой, более последовательной внутренней политикой, начавшимся экономическим ростом, а также произошедшей адаптацией (иногда понижительной) населения к новым экономическим реалиям. Хотя разные возрастные когорты демонстрируют неодинаковые темпы такой адаптации и скорость освоения новых социальных практик, можно говорить о расширении социальной базы проводимого курса.

Знаменательно, что если при оценке двух типов экономик - рыночной и плановой - перевес сторонников рынка в 1998 г. фиксировался в возрастных группах до 35 лет, то в 2002 г. этот перевес захватил людей в возрасте до 45 лет (табл. 1). Кроме того, в 2002 г. заметно повысилась ориентация на рыночную экономику в когорте 55-59-летних (на 16,6% процентных пункта). Как правило, в этом возрасте многие еще работа-

Предпочитаемый тип экономики (% от давших определенный ответ)

Типы экономик	Возраст (число лет)						
	До 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
1998 г.							
Рыночная экономика	90,2	75,3	71,8	45,8	43,1	19,6	26,4
Плановая экономика	9,8	24,7	28,2	54,2	56,9	80,4	73,6
2002 г.							
Рыночная экономика	88,0	79,7	72,4	53,9	34,4	36,2	16,8
Плановая экономика	12,0	20,3	27,6	46,1	65,6	63,8	83,2

ют, а некоторая часть получает и пенсию. Видимо, эти люди нашли свою нишу в современной экономике, или их поддерживают в этой ориентации успехи родственников и близких людей. Но среди тех, кому уже за 60 лет, еще больше выросло число сторонников плановой экономики (83,2%). Очевидно, что эта группа нуждается в большей социальной защищенности.

Среди лиц в трудоспособном возрасте наиболее противоречивая позиция возрастной когорты 45-54 лет, в которой к 2002 г. возросло число тех, кто считает, что реформы было необходимо начинать, но большинство не удовлетворены своим положением в результате этих реформ, особенно в преддверии пенсионного возраста. Характерно, что более 65% из этой группы высказались за плановую экономику. Кроме того, оценивая альтернативы: "низкие цены при товарном дефиците или изобилие товаров при высоких ценах", среди трудоспособных возрастов только в этой группе более половины опрошенных высказались за ситуацию, характерную для социалистической экономики.

Чтобы понять такие различия в оценках плановой и рыночной экономик, посмотрим, где же реально работают представители тех или иных возрастных групп. Данные за 2002 г. позволяют увидеть, что наибольшее число владельцев частных предприятий (7,6%) приходится на группу 35-44 лет, достаточно большое число предпринимателей и в группе 25-34 лет (6,0%). Среди тех, кто старше 45 лет, владельцев частных предприятий в процентном отношении совсем немного. Если же суммировать занятость респондентов в частном секторе в качестве хозяев дела, наемных работников и лиц, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, то мы увидим, что самая большая доля приходится на возраст 25-34 года - 27,6% и 23,8% в возрастной группе 35-44 лет. Кроме того, во всех возрастных категориях до 45 лет почти каждый десятый занят в частном секторе на дополнительной работе (табл. 2).

Занятость в частном секторе или индивидуальная работа (основная или дополнительная) позволяет иметь более высокий доход, чем при работе только в государственном секторе, и многие лица в молодом возрасте активно использовали возможности, открывшиеся институциональными изменениями в экономике. Но за последние 4 года наблюдается постепенное распространение позитивной адаптации на более старшие когорты. Об этом красноречиво говорят самооценки уровня материального благосостояния.

Предложенная в анкете шестиуровневая шкала оценки материального положения при ее сжатии до двух уровней — условно "необеспеченных" и "обеспеченных" позволяет оценить динамику материальной обеспеченности возрастных когорт в период 1998-2002 гг. К первому относятся по нашей терминологии условно: "нищие", бедные, необеспеченные, а ко второму уровню - обеспеченные, зажиточные и богатые.

Таблица 2

Занятость в частном секторе (владельцы, наемные работники, занятые индивидуальной трудовой деятельностью). 2002 г.
(в % от числа опрошенных в возрастной когорте)

Сектор труда	Возраст (число лет)						
	До 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
Основная работа	6,9	17,9	27,6	23,8	11,2	1,7	0,6
Дополнительная работа	10,3	10,0	9,8	9,0	3,3	8,3	5,0

Таблица 3

Оценка уровня материального положения. 1998—2002 гг. (% от числа опрошенных)

Категории людей по материальному уровню	Возраст (число лет)						
	До 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
Необеспеченные							
1998 г.	59,1	59,4	68,6	77,2	70,3	88,0	87,3
2002 г.	48,3	51,5	58,9	60,5	73,0	85,0	80,9
Обеспеченные							
1998 г.	40,9	40,6	31,4	22,8	29,7	12,0	12,7
2002 г.	51,7	48,5	41,1	39,5	27,0	15,0	19,1

Оказалось, что при общем невысоком уровне жизни всего населения более молодые когорты считают себя в лучшем материальном положении, чем остальные (табл. 3).

Как видим, чем моложе респонденты, тем более оптимистично оценивают они свой материальный уровень. Рост доли тех, кто попал в тяжелое материальное положение и проиграл от реформ, фиксировался в 2002 г. в возрастной группе 45-54 лет. За 4 года доля "необеспеченных" уменьшилась во всех возрастных когортах, кроме 45-54-летних, где она выросла. Не случайно большинство из них поддерживают плановую экономику (см. табл. 1). Самое большое сокращение необеспеченных произошло в группе 35-44 лет - на 17%. Соответственно и доля обеспеченных выросла больше всего в этой группе. По нашим данным, ранее - в 1998 г. эта группа была в аутсайдерах вместе с более пожилыми, а сейчас она приблизилась по самооценке уровня жизни к предыдущей когорте 25-34-летних. 40% этой группы могут быть отнесены к относительно (по российским меркам) "обеспеченным". Ранее - в 1998 г. в группу обеспеченных входили только 23% лиц 35-44 лет. К 2002 г. часть этой группы была сформирована из тех, кто в прошлом исследовании относился к наиболее успешной в группе 25-34 лет. Таким образом, можно говорить о значительном продвижении в адаптации этой группы к проходящим в экономике изменениям и закреплении тех статусных позиций, которые они получили в результате реформ.

Среди лиц в трудоспособном возрасте заметна возрастная когорта 45-54 лет, в которой 73% отнесли себя к необеспеченным. Они чувствуют себя ущемленными, не умеют приспособиться к условиям рынка, значительно реже имеют вторую работу и разовые приработки. Между тем их символический капитал в виде высокого образования формально не уступает более молодым когортам: среди опрошенных в этой группе 28% имеют высшее образование. Но образование, полученное в про-

шлые годы, и опыт работы зачастую не соответствуют потребностям рынка труда, к тому же молодой возраст, способность к переквалификации, хорошее состояние здоровья дают реальные преимущества в условиях становления рынка в России.

Характерно, что все возрастные когорты в трудоспособном возрасте используют активные стратегии повышения уровня жизни, но успешность их реализации не одинакова. Стабильного улучшения своего положения удается достичь более молодым. Возрастные различия проявляются в явном виде при рассмотрении навыков пользования автомобилем, компьютером, общения на иностранном языке. Как выявлено в исследовании, проведенном под руководством О.И. Шкаратана в 2002 г., умеют работать на компьютере 50,0% тех, кому 18-24 года, 43,9% в возрасте 25-39 лет и только 26,2% сорокалетних и более старших. Общаться на иностранном языке могут 22,4%; 17,7%; 9,1 соответственно [9]. Несколько сглаженная по возрастам ситуация с умением водить автомобиль. Такие навыки создают конкурентное преимущество на рынке труда.

Самым распространенным способом повысить свой уровень жизни является разовая и временная работа - ее имеют от 41% лиц моложе 19 лет; до 14% лиц старше 60 лет. Второй наиболее распространенный способ - занятие мелким предпринимательством, где лидируют группы 25-34 и 35-44 лет. В то же время среди тех, кто имеет достаточно высокий доход, многие живут на одну зарплату. Как правило, это те, которые работают в частном секторе, где интенсивность труда и его оплата заметно выше, чем в государственном секторе, а также лица, занятые престижным и высококвалифицированным трудом в государственном секторе.

Таким образом, за последние годы произошли изменения в дифференциации возрастных когорт. Если в 1998 г. 35-летний возраст был тем рубежом, который отделял успешно осваивающих рыночные стратегии экономического поведения от тех, которые не смогли адаптироваться к новым общественным условиям, то спустя 4 года этот рубеж сместился к 45 годам. Те, кто старше этого возраста, находятся среди трудоспособных в самом неблагоприятном положении. Для них характерна фрустрация, низкая адаптационная активность, стратегии их экономического поведения не позволяют значительно и устойчиво улучшить материальный уровень жизни. В их сознании присутствует ностальгия по дореформенным временам - более 40% из них уверены, что тогда жили лучше, чем многие другие. Будущее рисуется им в черном цвете и вызывает большое беспокойство. По прогнозу свыше трети респондентов старше 44 лет в ближайшее время будут жить еще хуже. В более молодых когортах этот показатель не поднимается выше одной пятой (максимум 19,6 в группе 35-44-летних).

Но удивительным образом в сознании всех возрастных групп, в том числе и 45-54-летних, в настоящее время стало доминировать мнение, что улучшение жизни зависит прежде всего от самого человека и его близких (табл. 4).

Можно интерпретировать это как полное разочарование во власти, которая занята в основном своими проблемами, но нельзя не видеть, что широко распространенный прежде всего патернализм уступает место самостоятельным усилиям по обустройству своей жизни и стремление опереться прежде всего на себя и ресурсы своей семьи. Особенно выражена эта тенденция в группах трудоспособного возраста. При этом зависимость от общероссийской власти в 2002 г. снизилась незначительно по сравнению с 1998 г., а вот все прочие уровни власти - районный, областной, республиканский и даже начальник на работе во многом потеряли, по мнению респондентов, влияние на их жизнь. В среднем 20% респондентов до 45 лет в 2002 г. уже не считали, что минимумом доходов должно обеспечить правительство. Ранее - в 1998 г. такого мнения придерживались только около 10%. Можно констатировать, что каждый пятый в этой возрастной группе надеется только на себя в обеспечении своей семьи. Но при этом у подавляющего большинства (85,2%) сохраняется требование к правительству обеспечить работой всех, кто в ней нуждается. Снижение по сравнению с 1998 г. составило всего 10%. Эти данные наглядно иллюстрируют переходное состояние российской экономики, в которой частная форма собственности пока вос-

В какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих и Ваших близких?
(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Возраст							
	До 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше	Итого
Полностью зависит, пожалуй, зависит								
1998 г.	83,1	82,4	76,9	68,2	65,8	50,8	45,6	
2002 г.	100	91,1	88,0	84,7	74,9	63,3	57,3	78,3
Пожалуй, не зависит, совсем не зависит								
1998 г.	9,8	7,4	16,1	18,0	24,0	38,4	38,9	
2002 г.	-	4,0	4,5	6,2	15,4	25,0	31,4	13,1
Не знаю, трудно сказать								
1998 г.	7,0	10,2	7,0	13,7	10,2	10,8	15,6	
2002 г.	-	5,9	6,5	9,0	9,8	11,7	11,2	8,7

принимается как слаборазвитая, при том, что малый бизнес в последние годы находится в стагнации. Плачевное положение многих государственных и бывших государственных, а теперь акционерных предприятий заставляет население возлагать ответственность за свое трудоустройство на правительство, которое должно инициировать усилия по налаживанию производства.

Исследование выявило определенную консолидацию молодых и зрелых когорт по отношению к возможности нарушать нормативный порядок. За годы реформ произошло разрушение законопослушности населения и стала широко оспариваться необходимость следования установленным правилам и официальным образцам. Они в большей мере сохранились только в старших возрастных группах. Для остального населения слом социалистической системы ценностей и неустойчивость правовой ситуации в стране стали пусковым механизмом отрицания всякого официально устанавливаемого порядка. По признанию почти 40% опрошенных, они не будут плохо относиться к человеку, если он нарушает установленные правила. Только одна треть готова порицать такого человека. Особенно широко распространено такое мнение среди молодежи до 35 лет, а это именно те когорты, для которых социализация пришлась на переходный период реформ.

Но интересная и знаменательная динамика этих показателей произошла за 1998-2002 гг.: доля сторонников нарушения нормативного порядка сократилась во всех возрастных когортах на 10-15%, кроме группы до 19 лет. С такой динамикой согласуется все большее распространение требования к государству обеспечить безопасность, даже если это приведет к ограничению свободы личности. На первых этапах трансформации общества (исследования 1990-1994 гг.) почти 50% респондентов отдавали предпочтение государству, в котором обеспечивается свобода личности. Криминализация общества и рост всякого рода катастроф в течение 1990-х г. выдвинули на первый план безопасность. По исследованиям 1998 и 2004 гг. доля сторонников государства, обеспечивающего свободу личности, сократилась до 28 и 27% респондентов соответственно. В когорте до 25 лет эта доля хотя и уменьшилась, но только до 44 и 50% в 1998 и 2002 гг. соответственно. Общество устало от неорганизованности, криминала, подстерегающих каждого человека опасностей. Желание порядка - это отнюдь не свидетельство жажды "твердой руки" и склонности к тоталитарному государству. Правопорядок и равенство всех перед законом является преимущественным

правом для подавляющего большинства респондентов всех возрастных когорт (в среднем 97,1%).

Таким образом, в современном российском обществе сложились возрастные когорты, выделяющиеся по ряду важнейших социально-экономических характеристик и ценностных ориентаций в актуальной экономической практике. Определенным рубежом, условно разделяющим население, сейчас является возраст в 45 лет. Те, кто моложе 45, наиболее успешно освоили достижительные стратегии в процессе институализации рыночной экономики в России. У этих групп более успешно идет формирование системы ценностей, позволяющей быстрее адаптироваться к новой экономической реальности. Они не отягощены прошлым опытом, которого либо не имели (когорта до 19 лет), либо преодолели в процессе первичной и вторичной социализации, выпавшей на годы реформ.

Большинство же тех, кому более 45 лет, не смогли пока реализовать себя как акторы рыночного хозяйствования, ностальгируют по тем временам, когда осуществлялось плановое уравнильное распределение. Они меньше используют эффективные стратегии экономического поведения, пессимистично оценивают свое будущее. Вместе с тем, и в этой группе, особенно у лиц в трудоспособном возрасте, закрепляется тенденция ослабления патернализма, отношение к государству как патрону сменяется уверенностью, что их собственное благополучие зависит от них самих.

Ценностные ориентации старших когорт не вступают в конфронтацию с ценностями более молодых, они как бы следуют за ними с некоторым опозданием. Приверженность основным правам и свободам, при одновременном желании соблюдения порядка и законности, составляют базу общественного консенсуса всех возрастных когорт в России.

Вместе с тем есть основания говорить о том, что в России формируется новая культура молодого поколения, которая проявит свои признаки только со временем, когда оно станет доминирующим в важнейших общественных структурах и процессах. Содержание этой культуры составит новый способ самоопределения и самоутверждения поколения в изменившихся условиях новой институциональной матрицы, способов соотнесения с традиционными культурными ценностями и освоения прогрессивных либеральных ценностей. Культура молодого поколения внутренне структурирована, как и в целом общества. Она не сводится только к конфронтации молодого поколения с существующими культурными ценностями, а заключается и в противостоянии различных групп молодежи внутри когорт по образовательным и поселенческим критериям. Индивидуализация сознания и поведения, отказ от патернализма являются важной предпосылкой модернизации общества, что, однако, не противоречит необходимости продуманной государственной политики, которая способствовала бы позитивной, с точки зрения общества, социализации молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Когорта - от лат. "cohors" - отряд.
2. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. *Д.И. Валентей*. М., 1985.
3. *Семенова В.В.* Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 258.
4. *Мангейм К.* Очерки социологии знания. Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М., 2000.
5. *Урланис Б.Ц.* История одного поколения. М., 1968; *Шубкин В.Н.* Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). 1970; *Филитов Ф.Р.* Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы. М., 1976; *Титма М.Х.* Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение. Таллинн, 1985.
6. См.: Социальное расслоение возрастной когорты. Выпускники 80-х в постсоветском пространстве. Международный лонгитюдный проект "Пути поколения": третий этап / Отв. ред. М.Х. Титма. М., 1997; *Семенова В.В.* Поколение 30-летних // Мониторинг обществ-

- венного мнения: экономические и социальные переменные. 2002. № 5; *Доброхлеб В.* Старшее поколение современной России. М., 2003; *Семенова В.В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию "поколение" // Россия реформирующаяся. Ежегодник - 2003 / Отв. ред. Дробижева Л.М. М., 2003.
7. См.: *Семенова В.В.* Дифференциация и консолидация поколений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. Ядова В.А. М., 2001. С. 256-271; *Хахулина Л.А.* Динамика отношения к рыночной реформе (анализ молодежных когорт начала и конца 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. М., 2001. №1.
  8. *Мангейм К.* Очерки социологии знания. Проблема поколений - Состязательность - Экономические амбиции. М, 2000. С. 35.
  9. *Шкаратан О.И.* Социальные реалии России 2000-х. Предварительные итоги представительного исследования социальной стратификации (ноябрь 2002 г.). Государственный университет. Высшая школа экономики. 2003. С. 21.